

Жаглова Татьяна Михайловна, Скибин Сергей Михайлович

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ УСАДЕБНОГО ОБРАЗА В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА 1820-Х ГОДОВ

Статья посвящена изучению образа усадьбы в лирике Ф. И. Тютчева 1820-х годов. Обращаясь к наиболее востребованным в раннем творчестве поэта жанрам элегии и послания, авторы выявили характерные для него черты, воссоздающие различные грани образа "дворянского гнезда", его составляющих и границ, преимущественно в традиционных формах, характерных для поэзии с усадебными мотивами.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/3.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 12(66): в 4-х ч. Ч. 3. С. 19-21. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 8;821.161.1

Статья посвящена изучению образа усадьбы в лирике Ф. И. Тютчева 1820-х годов. Обращаясь к наиболее востребованным в раннем творчестве поэта жанрам элегии и послания, авторы выявили характерные для него черты, воссоздающие различные грани образа «дворянского гнезда», его составляющих и грани, преимущественно в традиционных формах, характерных для поэзии с усадебными мотивами.

Ключевые слова и фразы: поэзия; усадьба; биография; символика; эмблематика; мифологема; образ; лейтмотив; аллегория; топос; метафоризация; детализация.

Жаплова Татьяна Михайловна, д. филол. н.
Оренбургский государственный университет
tmzhaplova@mail.ru

Скибин Сергей Михайлович, д. филол. н.
Оренбургский государственный педагогический университет
skibin_fil@mail.ru

ОСОБЕННОСТИ СОЗДАНИЯ УСАДЕБНОГО ОБРАЗА В ЛИРИКЕ Ф. И. ТЮТЧЕВА 1820-Х ГОДОВ

Русская усадьба на протяжении нескольких десятилетий является объектом пристального изучения культурологов, историков, литературоведов, что обусловлено необходимостью осмысления духовного и материального опыта «дворянской» эпохи, подарившей подлинными шедеврами в области архитектуры, живописи, ландшафтного искусства и обширное литературное наследие: послания и элегии, стихотворения «на случай» и романсы, лучшие образцы эпистолярного жанра и значительный массив воспоминаний обитателей «дворянских гнезд», оставивших в том числе и на бумаге зримые следы своего пребывания в отдалении от культурных центров.

Наши исследования «усадебной» поэзии представляют цельную картину данного явления, истоки которого восходят к XVIII веку, получают продолжение в лирике А. С. Пушкина и поэтов его круга, позже – романтиков и реалистов 1840-90-х годов, поэтов Серебряного века и так называемого «безвременья» [1, с. 33], в отточенных образах воплощающих мечту о «дворянском гнезде» и ее реальный облик в конкретных исторических условиях [4; 5]. Очевидно, картина «усадебной» поэзии остается неполной до тех пор, пока в ней отсутствует еще одно важное звено – лирика Ф. И. Тютчева, отражающая сложный и подчас противоречивый характер взаимоотношений поэта и его «малой родины» – Овстуга, вызывающего целый спектр разнообразных впечатлений поэта и человека. Обращаясь к лирике Тютчева, мы априори исходили из предпосылок, позволяющих рассматривать в корпусе созданных им в разные периоды текстов обширную группу стихотворений, в которых отражается образ усадьбы.

Творческое наследие Тютчева на сегодняшний день изучено достаточно хорошо, в первую очередь, с точки зрения истоков философской образности и поэтики (В. Я. Брюсов, Б. Я. Бухштаб, К. В. Пигарев, О. В. Орлов, В. В. Кожинов). Присутствие топонимических реалий-примет обнаруживалось в наследии Тютчева в воспоминаниях, пометах и комментариях, сохранившихся как подлинные документы далекой эпохи. В работах текстологов [8], как правило, присутствуют лаконичные комментарии, указывающие на Овстуг и его окрестности как место создания стихотворений. Процессу разработки той или иной темы, связанной с образом «малой родины», уделяет внимание В. В. Кожинов в монографиях и вступительной статье, предваряющей тютчевское Полное собрание сочинений в стихах и прозе [6].

Детские и юношеские годы Тютчева, прошедшие под знаком литературного ученичества, получили закономерное продолжение в ранней лирике, к которой, помимо стихотворений «на случай» и разного рода посланий, относятся и переводы молодого поэта, отражающие его тематические пристрастия и поэтическую технику. Среди них обращает на себя внимание «Послание Горация к мекенату, в котором приглашает его к сельскому обеду», опубликованное в 1819 г. в сборнике «Труды Общества любителей российской словесности». Интерес Тютчева к творчеству Горация трудно назвать случайным, поскольку тот, приняв взвешенное решение удалиться от светского общества в поместье, стал своеобразным ориентиром для молодого поэта, находившегося на распутье.

Истоки сознательного исхода в усадьбу изучают с разной степенью интенсивности, однако наиболее полно, с нашей точки зрения, к его осмыслению подошел И. О. Шайтанов, сделавший вывод: «Человек живет не ненавистью, не отрицанием, а положительными ценностями: он исповедует культ дружбы, разумных и умеренных удовольствий, где ему путеводителем – Гораций, Вергилий, Овидий. Однако не менее важна и близость природе – лес и поле; не менее важна и близость городу, воплощению цивилизации и ответственности, по отношению к которым уединенный человек готов исполнить свой долг: “Если понадобится оказать услугу стране или послужить моему королю, когда бы меня ни позвали, я с готовностью приду с пером, советом или шпагой”» [10, с. 99].

Основываясь на разнообразии способов символизации реального мира, Тютчев обращается к пространственно-временным словам-символам (или словам-лейтмотивам); он подвергает символизации предметные детали повседневного быта, привлекая символы-эмблемы античной культуры, переосмысленные в современных поэту условиях, укрепляющих колеблющегося героя в стремлении переселиться в поместье: «Оставь на время град, в заботах погруженный, склонись под тень дубрав; здесь ждет тебя покой. Под кровом

сельского Пената, где все красуется, все дышит простотой, где чужд холодный блеск и пурпура и злата, там сладок кубок круговой» [9, с. 321].

Подобно другим поэтам, воссоздающим образ усадьбы, Тютчев передает типичную для имения атмосферу, прибегая к мифологическим или алфавитным метафорам: используя в конкретном контексте имена олимпийских богов, с образами которых связаны определенные ассоциации. Ассоциации эти берут начало в послании К. Н. Батюшкова к В. А. Жуковскому и П. А. Вяземскому, озаглавленном «Мои Пенаты» и вызвавшем «волну» подражаний обращением к Фебу, Эолу, Цирцеям, Ларам, напоминающим реальных обитателей поместья. Алфавитные метафоры, мифологическая символика и эмблематика оттеняли прозаические стороны усадебного быта: «А ты, Фемида жрец, защитник беззащитных, проводишь дни свои под бременем забот. И счастье сограждан – благий, достойный плод твоих желаний неусыпных!» [Там же].

Текст послания изобилует традиционными романтическими метафорами, характерными для лирики В. А. Жуковского; в метафорическом ансамбле особое место занимают планы обозрения имения: Тютчев воспроизводит общий план территории, затем крупный и сверхкрупный, основанный на предметной детализации: «В священной рощице Сильвана, где мгла таинственна с прохладой слиянна, где брезжит сквозь листов дрожащий, тихий свет, игривый ручеек едва-едва течет и шепчет в сумраке с прибрежною осокою» [Там же].

В стихотворении раннего периода «Одиночество» (перевод стихотворения А. Ламартина «Уединение») поэт углубляет проблематику, обращаясь к образу усадебного парка (сада) и ближайшим окрестностям, которые также входят в границы имения, наряду с крестьянскими избами и сельским храмом. Усадебный контекст стихотворения вмещает в себя атрибуты пейзажного парка, которые незадолго до него воспроизводил А. С. Пушкин в первой части стихотворения «Деревня» (озаглавленной, как и у Ламартина, «Уединение»), что является свидетельством сознательного или невольного подражания гениальному современнику в плане тематики, образности, арсенала изобразительно-выразительных средств. Лирический герой стихотворения в предельно искреннем монологе-исповеди обращает внимание на атрибуты усадебной территории, открывающиеся с высокой точки и расположенные в соответствии с их функционированием относительно главной оси ландшафтного парка: «Как часто, бросив взор с утесистой вершины, сажусь задумчивый в тени древес густой, и развиваются передо мной разнообразные вечерние картины» [Там же].

Топос пейзажного парка в стихотворении «Одиночество» воспринимается в качестве основной приметы имения, топографически точной картины его облика, который каждый раз открывает новые виды для наблюдателя и «путешественника», обозревающего пейзаж в парке и интерьер разнообразных построек декоративного и утилитарного назначения, например плотины и пруда, сельской церкви, оглашающей окрестности звуками благовеста: «И с колокольни одинокой разнесся благовест протяжный и глухой; прохожий слушает, и колокол далекий с последним шумом дня сливает голос свой» [Там же].

Создавая образ усадьбы, русские поэты, как правило, мифологизировали прошлое своего рода, развивая «сквозной» мотив возвращения героя на «малую родину», чтобы восстановить разрушенную связь и преемственность поколений, что восходит к библейскому сюжету возвращения Блудного сына. Тютчев, творчески подходя к переводу, придал ему русский колорит, обращаясь, как и его предшественники и последователи, к элегической тональности, многочисленным риторическим приемам и формам иносказания, усиливающим ностальгию лирического героя-странника, лишенного возможности встретиться в родовом «гнезде» с представителями когда-то покинутого им семейства.

Исповедь лирического героя получает вполне закономерное продолжение и завершение: потеряв надежду на встречу с близкими людьми в пределах реального имения, он создает в воображении картину воссоединения с ними в загробном мире, уверенный, что теперь именно там – его родина, где его, Блудного сына, примут с любовью и окружают такими необходимыми заботой, вниманием. Пока же уделом его остается одинокое скитальчество, как расплата за бегство из родного дома и забвение семейных ценностей. Характерно, что мотив этого скитальчества реализуется Тютчевым вполне традиционно для «усадебной» поэзии: раскаяние героя вписывается в «осенний» контекст, в данном случае с использованием сравнения «сирота» – «осенний лист»: «Встает гроза, и вихрь, и лист крутит пустынный! И мне, и мне, как мертвому листу, пора из жизненной долины, умчте ж, бурные, умчте сироту» [Там же].

С конца XVIII века жанр дружеского послания оставался одним из самых востребованных в поэзии, позволяя осуществить коммуникацию на бескрайних российских просторах, выполняя одновременно функцию и информационную, и «врачующую», позволяя искренне рассказать о значимых событиях частной жизни и поделиться искренними эмоциями, вызванными тем или иным поводом. Для дружеского послания типичны намеки и добрый юмор, ощущение легкой, необременительной беседы о материальном и духовном, причудливые аллегии, понятные двоим преимущественно с полуслова: «Насилу добрый гений твой, мой брат по крови и по лени, увел тебя под кров родной от всех маневров и учений, казарм, тревог и заточений, от жизни мирно-боевой» [Там же].

Адресатом послания Ф. И. Тютчева в данном случае выступает А. В. Шереметьев, командующий пятым пехотным корпусом лейб-гвардии конной артиллерии, неожиданно для всех перешедший на должность адъютанта при графе П. А. Толстом. Тютчев уверен, что его родственник постепенно подпадает под обаяние личности своего нового начальника и уже очень скоро разделит его главное увлечение – усадебную жизнь, в ее утилитарном проявлении (заботе о доходе имения и будущем урожае) и высоком духовном значении – создании своего «дворянского гнезда», с характерной для него патриархальной моделью целеполагания: построить дом, посадить дерево, воспитать сына.

П. А. Толстой, возглавивший кружок так называемых «культурных» помещиков, легализовавшийся в 1820-м году в форме Императорского Московского общества сельского хозяйства, запомнился современникам

как личность примечательная во многих отношениях. Знатный вельможа производил впечатление подлинного реформатора отечественного селекционного движения, способствовавшего развитию оранжерейного и тепличного хозяйства, в первую очередь, на территории подмосковного имения жены – усадьбы Узкое, затем – в ближайшем Подмосковье и его окрестностях, по которым стремительно распространилась информация об успехах талантливого соседа.

Тютчев уверен, что патриархально-аграрный уклад, как и поэзия усадебной жизни, знакомые ему с детских лет, должны наконец открыться в полной мере и Шереметьеву, во многом подражавшему своему новому начальнику даже в мелочах: «В кругу своих, в халате, дома и с службой согласив покой, ты праздный меч повесил свой в саду героя-агронома» [Там же].

Сад в усадьбе Узкое, ставшей площадкой для экспериментов П. А. Толстого, воспринимается цветущим оазисом, воплощенным в мифологии и религии разных народов, как «Эдем» – пустыня, превращенная в Райский сад трудом великого человека. В действительности прогнозам Тютчева суждено было сбыться в то время, когда в 1828 г. Толстой основал в Москве Общество любителей садоводства, чтобы распространить положительный опыт в освоении внешне неплодородной земли, расположенной на болотистой и песчаной почве, и превращении ее в окультуренную территорию, обладающую своим стилем и символическим кодом, сохранить которые – основная задача ее хозяина.

Деятельность Толстого Тютчев рассматривает как единственный в тех условиях положительный пример для А. В. Шереметьева, значимость которого он маскирует за легкой иронией и аллегорической отсылкой к мифологическим героям: «Но что ж? Ты мог ли на просторе мечте любимой изменить? Ты знаешь, друг, что праздность – горе, коль не с кем нам ее делить. Прими ж мой дружеский совет (Оракул говорил стихами и убеждал, бывало, свет)» [Там же]. Единственно возможным уделом для родственника Тютчев считает женитьбу и переезд в имение, преобразование жизни в котором станет достойным приложением способностей и сил новоиспеченного помещика Шереметьева.

Шутивное, но тем не менее искреннее «Послание к А. В. Шереметьеву» содержит советы и рекомендации, чрезвычайно актуальные для россиян в 1820-30 годы XIX века, все чаще размышляющих об истинных и мнимых ценностях в беспокойное для страны время, что отмечается в лирике К. Батюшкова, Д. Давыдова, П. Вяземского, Е. Баратынского и др. Характерно, что молодой Тютчев, предлагая свой вариант наиболее благоприятного для родственника развития событий, подбирает аргументы, руководствуясь наблюдениями и собственным опытом, полученным во время проживания в усадьбе Овстуг.

Таким образом, анализ лирики Ф. И. Тютчева 1820-х годов позволяет прийти к выводу о наличии в творчестве молодого поэта образа усадьбы, навеянного детскими и юношескими годами, связанными с проживанием в родовом имении Овстуг. Органичным образ этот воспринимается в контексте «усадебной» поэзии XIX – начала XX в., раскрывающей его в тождественных аллегорических символах и метафорах, детализации, жанровых формах послания и элегии, позволяющих создать мифологему «дворянского гнезда», олицетворяющего для россиян «малую родину».

Список литературы

1. **Боровская И. О.** Пространство во времени и время в пространстве в поэзии Ф. И. Тютчева // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2008. № 1 (1): в 2-х частях. Ч. 1. С. 33-38.
2. **Брюсов В. Я.** Ф. И. Тютчев // Тютчев Ф. И. Полн. собр. соч. СПб., 1913. С. 3-17.
3. **Бухштаб Б. Я.** Тютчев // Бухштаб Б. Я. Русские поэты: Тютчев. Фет. Козьма Прутков. Добролюбов. Л., 1970. С. 155-159.
4. **Жаплова Т. М.** Образ русской усадьбы в поэзии XIX – начала XX века. Оренбург, 2006. 428 с.
5. **Жаплова Т. М.** Усадебная поэзия в русской литературе XIX века. Оренбург, 2004. 232 с.
6. **Кожин В. В.** Слово к читателю о составе и построении этой книги // Федор Тютчев. Полное собрание сочинений в стихах и прозе. М.: Вече, 2000. С. 5-20.
7. **Орлов О. В.** Поэзия Тютчева. М., 1981. 248 с.
8. **Пигарев К. В.** Ф. И. Тютчев и его время. М., 1978. 267 с.
9. **Тютчев Ф.** Полное собрание сочинений в стихах и прозе. М.: Вече, 2000. 496 с.
10. **Шайтанов И. О.** Мыслящая муза: «открытие природы» в поэзии XVIII века. М., 1989. 259 с.

SPECIFICS OF ESTATE IMAGE FORMATION IN F. I. TYUTCHEV'S LYRICS OF THE 1820S

Zhaplova Tat'yana Mikhailovna, Doctor in Philology
Orenburg State University
tmzhaplova@mail.ru

Skibin Sergei Mikhailovich, Doctor in Philology
Orenburg State Pedagogical University
skibin_fil@mail.ru

The article is devoted to studying the estate image in F. I. Tyutchev's lyrics of the 1820s. Focusing on the most frequent in the poet's early creative work genres of elegy and epistle the authors conclude on early Tyutchev's individual style involving the detailed reconstruction of "manor estate" image, its elements and borders, basically in the traditional forms typical for the poetry with estate motives.

Key words and phrases: poetry; estate; biography; symbolism; emblemism; mythologeme; image; leitmotif; allegory; topos; metaphorization; detalization.